

Я подправляю одну из своих бутерпопок так, чтобы она находилась в одной линии с остальными. Мы с Феликс очистили часть листьев и самый верхний слой грязи на полянке в лесу. Теперь у меня есть место, где можно работы.

Все мои маленькие друзья расставлены более или менее аккуратными рядами. Трудно заставить их выстроиться в ряд, тем более что не все они идентичны с самого начала. У меня есть около двух дюжин бутерпопок, три блестяшки — это умные маленькие жучки, которые могут передавать сообщения Монстрам.

Рядом с ними находятся четыре эчочки. Это маленькие сверчки, которые могут очень быстро передвигаться и хорошо повторяют звуки и шумы.

И, конечно, есть мои брызгалки, на случай, если мы столкнемся с какими-нибудь замками. Я полагаю, это хорошая предосторожность.

И, наконец, конечно, есть около трех дюжин жужанов. Жужаны — не самые скрытные из моих боевых друзей. Они длинные, с крыльями посередине, которые похожи на крылья стрекозы, и которые они могут складывать назад, чтобы стать меньше. У них большие жвалы, которые могут впрыснуть действительно болезненный яд, а на конце их длинных хвостов есть два маленьких лезвия, которыми они могут ударить кого-нибудь, когда пролетают мимо них.

Они очень опасны, по крайней мере, против всего, что имеет кожу.

Это примерно все мои маленькие друзья, которых, как мне кажется, я могу привести с собой. Их не так много, но мне нужно иметь возможность прятать их при себе, что довольно важно. Ну а ещё я устала, а день продолжается. Жетон в моем кармане, кажется, сжигает меня изнутри.

— Я думаю, нам пора возвращаться, — говорю я, вставая. — Ты не против взять с собой кого-нибудь из моих маленьких друзей?

— Я... наверное, нет, — говорит Феликс. — Ты имеешь в виду в моих руках, так?

Я смотрю на неё.

— В моих руках, верно?

Феликс не очень рада, когда я объясняю, что нет, я имела в виду практически всё, кроме её рук.

— Они не будут ползать по тебе со всех сторон. Ты, вероятно, даже забудешь, что они на тебе.

— Я не знаю, — говорит Феликс.

— Только некоторых из них, — продолжаю я. — Если они заставляют тебя нервничать, я могу предложить тебе нести только нелетальных.

— Летальных?

— Это значит, что они могут убить тебя.

— Я не хочу умирать из-за жуков, — говорит Феликс.

Я фыркаю.

— Технически ни один из них не является жуком. Их тело не приспособлено для этого должным образом. Технически они даже не насекомые. Видишь ли, у большинства из них нет шести конечностей, что обычно является определяющим.

Рот Феликс кривится от отвращения, и она отворачивает голову, прежде чем вздохнуть.

— Хорошо, но не прямо на мне.

Я ухмыляюсь, когда беру некоторых из моих самых симпатичных маленьких друзей, не то чтобы они все не были действительно милыми.

— Послушай, они полностью безопасны. Если ты почувствуешь, как они трогают тебя, то это всего лишь их крошечные объятия.

А ещё со мной не было никого из моих друзей-копателей, так что нет риска, что кто-то из них зароется в её кожу или что-то в этом роде!

Прогулка обратно в город проходит с большой суетой со стороны Феликс, поскольку она старается не царапать друзей под одеждой. Я не могу удержаться от смеха над тем, как она дрожит. Но будет лучше, если она привыкнет к ним сейчас, прежде чем мы попытаемся проникнуть в какое-нибудь опасное место.

Я иду рука об руку с Феликс, когда мы приближаемся к воротам. Я беспокоюсь о том, что охранники проверят нас или, может быть, спросят о моём плаще. Погода становится жарче, так что, может быть, я могу сказать, что это из-за солнца?

Мы подходим к воротам, вставая позади запряжённой ослом повозки, наполненной чем-то похожим на связки пшеницы, и... никто не останавливает нас, когда мы двигаемся прямо

вперед. Я думаю, мы либо выглядим так, будто не представляем угрозы, либо никто из охранников на самом деле не обращает внимания.

Я бы пожаловалась на их небрежность, если бы это было не в мою пользу, но сейчас я просто промолчу об этом.

— Куда теперь? — спрашивает Феликс.

Я на мгновение задумываюсь над этим. У меня есть длинный список дел, которые нужно сделать, но они могут подождать. Я крепче сжимаю руку Феликс.

— Как насчет храма Акации? — спрашиваю я. — Это не должно быть слишком далеко от того места, где, по словам Эсме, находится Академия, и мы можем пошарить вокруг, пока мы там.

— Храм... для моих глаз? — спрашивает Феликс.

— Да, конечно, — говорю я.

Я не могу сдерживать широкой ухмылки на своем лице. Феликс была отличной подругой, даже если я знаю её всего день или два.

Феликс не столько идет рядом со мной, сколько распыливает. Я почти уверена, что её улыбку можно было бы использовать как оружие, она такая яркая и жизнерадостная. Однако дело не только в языке её тела, я чувствую, как ветер кружится вокруг неё счастливыми маленькими вихрями, поднимая пыль с дороги вокруг нас и наполняя воздух.... что ж, радостью. Счастливые вихри танцуют вокруг нас, а ветер свистит, как веселое птичье пение.

Я не думаю, что я когда-либо была так близко к такому большому количеству магии Радости, раскрепощенной и свободной. Это странно, но приятно. Смех даётся легко, и я могу представить, как люди становятся зависимыми от таких заразительных улыбок.

Люди, которых мы встречаем, как правило, странно смотрят на нас, но только на мгновение, прежде чем они уходят с довольной улыбкой и, возможно, радостно машут рукой, на что Феликс с большим удовольствием отвечает.

Я почти теряюсь из-за того, что Феликс отвлекает меня, а дороги Монтеле не совсем прямые. Но я думаю, что у меня всё же хорошо получается ориентироваться в городе. Не так уж трудно определить, где находятся храмы, особенно когда мы подходим к ним ближе, и их шпили и башни возвышаются над крышами всех близлежащих зданий.

Мы пересекаем храм Спекталума с его большими зеркалами и огромными витражными стенами. Храм столь же велик, сколь и показушен, с фонтаном и симпатичными молодыми людьми, сидящими вокруг него.

Затем есть гораздо более скромный храм Троицы Богинь. Технически, я полагаю, это три отдельных храма, но здания расположены очень близко друг к другу, и все они выглядят одинаково. Между каждым из них даже нет забора, так что люди могут легко переходить от одного к другому.

Дорога выходит на широкую площадь с несколькими статуями в центре и несколькими кашпо с цветущими деревьями. Киоски, торгующие сладкими фруктами и орехами в меду, тянутся вдоль стен, и даже чрезмерная радость Феликс теряется в шуме и суете этого места.

Храм Акации — это большое сооружение. Его территория большая и обнесена стеной, за которой находится соответствующее здание, вся передняя часть которого состоит из большой платформы с колоннами на ней. Каждая из них шириной в размах моих рук и достаточно высокая, чтобы мне пришлось закинуть голову назад, чтобы увидеть, где они достигают потолка.

Они выкрашены в нежно-зелёный цвет, колонны украшены резными изображениями птиц и оленей, а также раздетых людей, отчего у меня загорелись щёки.

Хотя все это очень красиво. Вокруг храма есть небольшой дворик с большими кустами и клумбами цветов и, конечно же, несколькими большими деревьями. Когда я вхожу, всё ещё держась за Феликс, я почти чувствую безмятежность, окутывающую это место.

Это место исцеления, а также место, где люди уходят из жизни. Не больно, но все же.

— Это место кажется странным, — шепчет Феликс. Она улыбается, но в этом есть что-то странное. Её радость всё ещё витает в воздухе, но она окутывает нас, прижимается, вместо того чтобы протянуть руку и прикоснуться ко всему вокруг.

— Это храм исцеления, мрачное место, где горе позволяет возродиться, — говорит пожилой джентльмен, подходя ближе.

Он широкоплечий мужчина, с большими мускулами, которые его одежда почти не скрывает. Я бы подумала, что он воин или что-то в этом роде, если бы он не был безоружен, бос и не выглядел бы таким... не совсем грустным, но близким к этому. Усталый, может быть.

— Добро пожаловать в храм Акации, юные леди. Чем мы можем вам помочь?

— Вы священник? — спрашиваю я.

Он кивает.

— Так и есть.

— Ох, — говорю я.

Акация славится своими жрицами, так что я вроде как ожидала, что здесь должны быть только женщины. Я думаю, что кое-что из этого отражается на моем лице, потому что здоровяк кивает мне.

— Акация не делает различий. Просто её учения находят отклик больше у женщин, чем у мужчин. Тем не менее, я уверен, что смогу помочь.

Думаю, для меня этого достаточно.

— Моя подруга, Феликс, она слепая. Мы, эм, хотели посмотреть, не могли бы вы помочь.

— Потерять зрение, да еще в таком юном возрасте, — бормочет он. — Проходите, мы посмотрим, мы будем молиться, и, если будет на то воля богини, возможно, мы сможем убрать одну маленькую порчу печали из этого мира.

С этими словами священник поворачивается и шагает вглубь храма.

Конечно, мы следуем за ним.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://tl.rulate.ru/book/75524/2403126>